

В. А. Зверев

У ВЕЛИКОЙ ДОРОГИ, НА «ЗАПАСНОЙ» ЗЕМЛЕ...

Очерки истории Сибири второй половины XIX – начала XX в.

Опубликовано: *Зверев, В. А. У великой дороги, на «запасной» земле...* / В. А. Зверев // Сибирь в лицах / редкол.: В. И. Молодин, Б. А. Говорин, В. И. Иванков и др. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, «МАСС-МЕДИА-ЦЕНТР», 2001. – С. 36–59.

Зверев Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного педагогического университета. Родился в 1949 г. Известный специалист в области социальной истории, исторической демографии и этнологии Сибири, методики преподавания истории в высшей и средней школе. Автор 180 научных, методических и публицистических трудов, в том числе монографии «Дети — отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861—1917 гг.)», семи учебных пособий. Один из авторов учебно-методического комплекта для общеобразовательных учреждений «Сибирь: 400 лет в составе России»

*...Этот край мог бы при лучших условиях
быть страной довольства, богатства и
счастья*

Н. М. Ядринцев, 1881—1882 гг.

Долгое время территория Сибири не имела четко очерченного контура, так как Россия не сразу обрела устойчивые границы на востоке. Они постоянно расширялись, и одним из последних шагов в этом направлении стали внешнеполитические события середины XIX в. Процесс присоединения казахстанских степей к России, с начала XVIII в. проходивший мирно, в 1863—1864 гг. завершается насильственными методами. Отряд полковника М. Г. Черняева занял южный Казахстан и сомкнул Сибирскую и Оренбургскую пограничные линии. Территория северо-восточного Казахстана, осознаваемая тогда русскими людьми как часть Сибири, оказалась в глубоком тылу и стала отныне осваиваться не только казачьим населением, но и крестьянами-переселенцами. Границу России с Китаем на Амуре и в Приморье окончательно установили Айгунское соглашение 1858 г. и Пекинский договор 1860 г. Последующие годы ознаменованы решающими успехами в освоении Приамурья — самой восточной из сибирских земель. Под охраной Забайкальского (создано в 1851 г.) и Амурского (1858 г.) казачьих войск здесь формируется славянское земледельческое население, строятся города.

Таким образом, в середине XIX в. Сибирь как географическое и административное образование получила наиболее широкое за всю свою историю территориальное распространение. Но ненадолго. В конце столетия с управленческой карты названия «Сибирь», «Сибирский» начинают исчезать. В 1882 г. Западносибирское генерал-губернаторство упраздняется, входившие в него Тобольская и Томская губернии получают самостоятельность. Омск стал столицей новообразованного Степного генерал-

губернаторства, оставшись и центром Акмолинской области, входившей в Степной край. Восточносибирское генерал-губернаторство сильно уменьшается по площади. В 1884 г. из него было выкроено Приамурское генерал-губернаторство, состоявшее из Забайкальской, Амурской, Приморской областей и Владивостокского военного губернаторства. С 1887 г. Восточная Сибирь стала именоваться Иркутским генерал-губернаторством, в него входили Енисейская, Иркутская губернии и Якутская область. Таким образом, в конце XIX в. были заложены основы для сохранившегося по сей день географического и административного обособления от Сибири Дальнего Востока и северо-восточных областей Казахстана, а также затяжных прений о территориальной принадлежности Забайкалья к Сибири или Дальнему Востоку.

Гербы сибирских губерний и областей

В правительственных сферах России постоянно теплилось понимание необходимости координации всей имперской системы власти за Уралом. Когда-то единство управления восточными окраинами обеспечивал Сибирский приказ, затем Сибирский комитет, во второй половине XIX в. первую попытку выработать применительно к Сибири принципы «окраинной» политики, найти баланс общегосударственных и региональных интересов

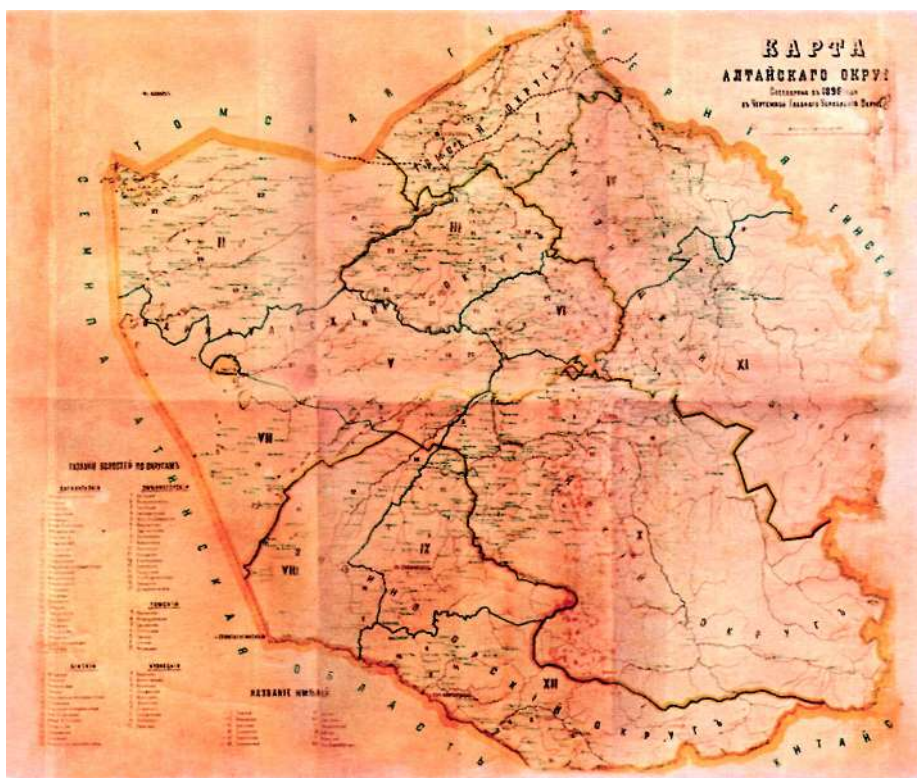
предпринял Второй Сибирский комитет (1852—1864 гг.). В 1892—1905 гг. руководство основными направлениями деятельности государства по освоению восточных регионов России осуществлял Комитет Сибирской железной дороги, которой иногда даже в официальных бумагах именовали «Сибирским комитетом», что подчеркивало преемственность поставленных перед ним задач. Эти «сибирские» учреждения на самом деле работали в столице, состояли в основном из руководителей правительственных ведомств и не имели непосредственной исполнительной власти. В комитетах постоянно говорили о необходимости проведения четкого правительственного курса в отношении Сибири, разрабатывали проекты мероприятий, но преодолеть разногласия между различными центральными ведомствами, министрами и генерал-губернаторами так и не смогли. Для самодержавия остался открытым и вопрос о месте Сибири в составе Российской империи — колония или провинция.

Войсковой съезд Сибирского казачьего войска в Омске. Фото 1903 г.

Государственное управление в Сибири было построено на тех же принципах, что и в Европейской России. Закон предусматривал здесь существование наряду с губернаторами и генерал-губернаторов, которые стояли между местными и центральными органами власти и во многом ограничивали прерогативу «хозяев губерний». Во второй половине XIX — начале XX в. генерал-губернаторы были не только гражданскими, но и военными администраторами — командовали военными округами, занимали посты наказных атаманов

Сибирского и Забайкальского казачьих войск. На местах формы организации управления не были жестко унифицированы, допускалось местное своеобразие. Так, глава Томской губернии являлся одновременно начальником Алтайских горных заводов и в этом качестве подчинялся Императорскому Кабинету, что поднимало его статус. В областях действовала менее разветвленная структура органов управления, чем в губерниях. Толику власти у сибирских губернаторов забирали действующие при них совещательные органы — губернские советы, но в областях они отсутствовали.

Карта Алтайского горного округа с нанесенными на нее границами округов и волостей Томской губернии. 1896 г.

При управлении окраинами всегда особую роль играет личность руководителя, особенно если речь идет о высшем административном слое. И если в начале XIX в. огромное влияние на развитие Сибири оказал М. М. Сперанский, то для середины столетия знаменательна личность Николая Николаевича Муравьева, восточносибирского генерал-губернатора в 1852—1861 гг. Он многое сделал, чтобы ослабить влияние на госаппарат верхушки «торгово-промышленного класса», сурово пресекал коррупцию чиновничества. Пользуясь личным доверием императора, добился расширения прерогатив генерал-губернатора самой отдаленной окраины страны. При поддержке «силовых» министерств, зачастую даже вопреки официальному курсу Министерства иностранных дел, он провел серьезную организационную, экономическую, военную и дипломатическую подготовку возвращения Приамурья России и обеспечил укрепление новой границы с Китаем. За это он получил титул графа Амурского. В 1851 г. при его участии был учрежден Сибирский отдел Русского

Географического общества — первое влиятельное и разветвленное научное учреждение на территории края. Отделения общества в Омске, Иркутске, Красноярске, Барнауле, Чите, Троицкосавске возглавили изучение природных и хозяйственных ресурсов региона, его демографического и культурного потенциала, стали центрами координации местных интеллектуальных сил, налаживающими сотрудничество интеллигенции и власти.

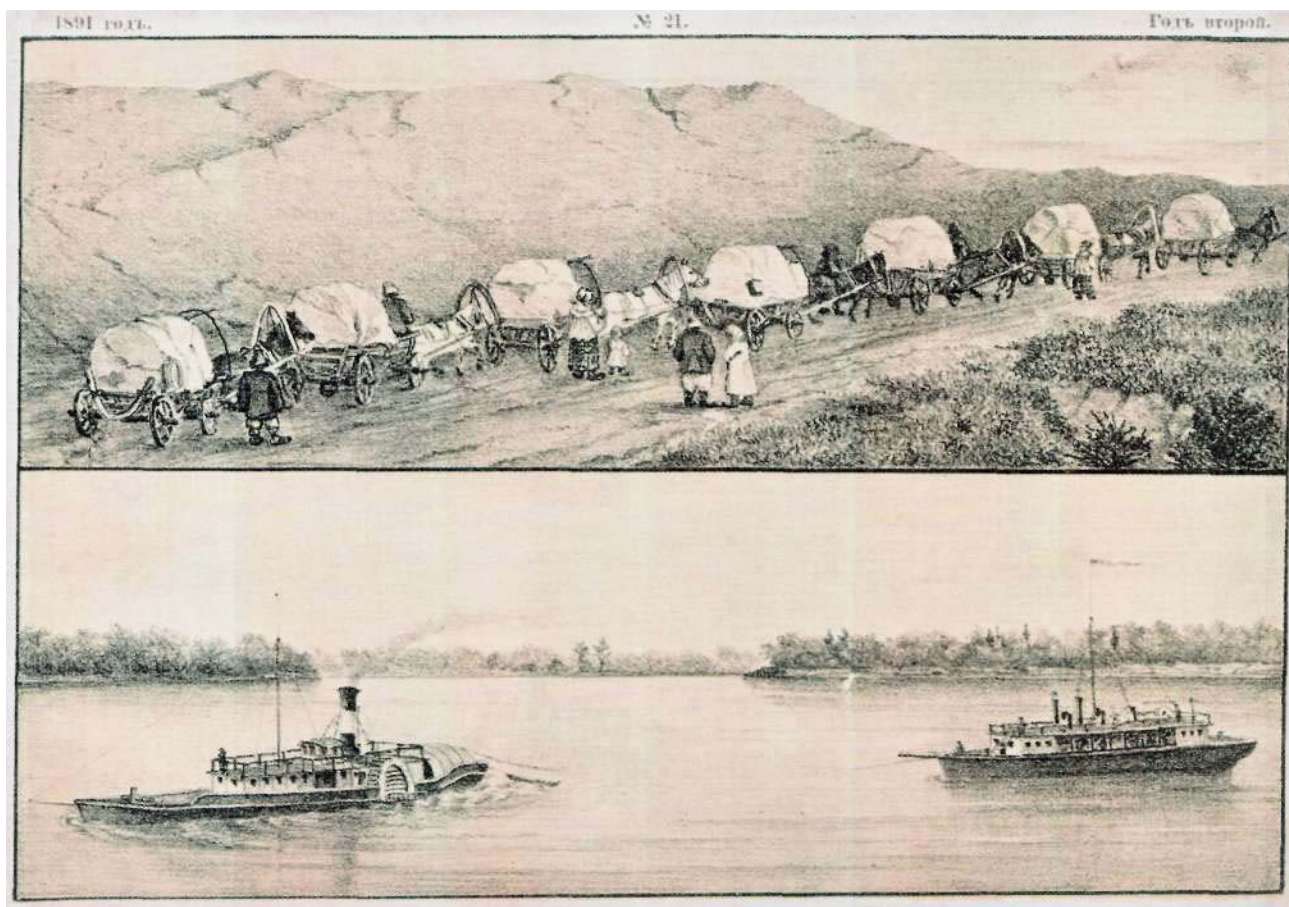
Заметный след в истории региона оставил также Николай Геннадьевич Казнаков, генерал-губернатор Западной Сибири в 1875—1881 гг. Особенно велики его заслуги в развитии науки и образования: при нем возникли многие учебные заведения, был решен вопрос об открытии Сибирского университета в Томске. Строгая законность в управленческих действиях сочеталась в нем с удивительной корректностью по отношению к подчиненным.

Развитие производительных сил Сибири напрямую зависело от численности населения, особенно в экстенсивном сельском хозяйстве, где увеличение сбора зерна было связано, прежде всего, с расширением площади запашки, а значит, с вовлечением в производство новых рабочих рук. Между тем население Сибири (без Дальнего Востока и Казахстана) в середине XIX в. насчитывало всего около 3 млн душ. В конце века оно приблизилось к 6 млн, а в 1914 г. превысило 10 млн человек. Как видим, темпы прироста населения были в Сибири очень высокими, в два раза выше, чем в Европейской России. Обычно считают, что такой прирост обеспечивался миграцией из центральных районов страны. Действительно, после отмены крепостного права в Сибирь перебирались крестьяне из центра, спасаясь от малоземелья и гнета помещиков. Уже в 1860-х — начале 1880-х гг. через Урал на восток проходило в среднем ежегодно по 12 тыс. переселенцев. В конце XIX в. Сибирь стала основным районом освоения, главным «колониационным бассейном» России, потеснив Новороссию и Южное Приуралье. Масштабы переселения возрастают: в 1886—1895 гг. добровольно переезжает в среднем по 39 тыс. человек ежегодно, в 1896—1905 гг. — по 60 тыс., а в 1906—1913 гг. — по 187 тыс. Аграрные переселенцы устраиваются главным образом на Алтае, в южных районах Тобольской, Томской и Енисейской губерний, здесь действительно механический прирост населения определял демографическую и во многом — экономическую ситуацию.

В целом же по Сибири не менее важное значение, чем приток переселенцев, имел естественный прирост населения. В России традиционно существовала высокая рождаемость, обусловленная почти всеобщим и ранним вступлением в брак, слабым распространением семейного регулирования деторождения. В Сибири с конца XIX в. рождаемость держалась даже на более высоком уровне, чем в Европейской России. Если в

центре страны в это время обнаруживается тенденция к сокращению естественного прироста населения, наиболее рельефно выраженная в городах, то Сибирь — регион с почти последовательно растущими показателями. В 1910—1914 гг. ежегодный естественный прирост населения Сибири превысил 20 чел. на тысячу, что свидетельствовало о начавшемся «демографическом взрыве». Главные причины такого положения — молодой и перспективный в демографическом отношении состав переселенческих семей, относительная зажиточность сибирских крестьян-старожилов, снижавшая показатели смертности в их среде, а также определенные успехи в медицинском обслуживании населения.

Несмотря на быстрое увеличение общей численности, плотность населения в Сибири оставалась очень низкой — к 1914 г. около 1 чел. на квадратную версту. Впрочем, в зависимости от природно-климатических условий и экономических факторов, размещение населения было крайне неравномерным. Вдоль линии крупных трактов, а с конца XIX в. — вблизи железной дороги, в благоприятных для земледелия юго-западных округах плотность населения уже приближалась к оптимальной в тогдашних условиях, и чувствовалась некоторая земельная теснота.

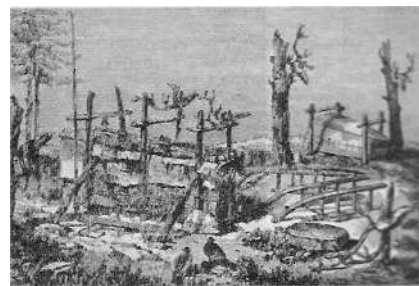
Движение переселенцев из Европейской России по сухопутным трактам и рекам Сибири. Конец XIX в.

Специфической чертой сибирского населения являлся его многонациональный состав, в котором можно выделить категории «коренных» и «пришлых» жителей. Русские уже с XVII

в. составляли абсолютное большинство сибиряков, в начале XX в. их насчитывалось 70—80 % на востоке, 90 % на западе региона. И доля эта повышалась в ходе переселенческого движения и вследствие высокого естественного прироста. За несколько веков проживания на новой родине старожилы-славяне привыкли считать себя «коренными», «природными» сибиряками и явственно отличали себя от недавно прибывших «расейских» переселенцев. Кроме русских, большими группами прибывали в Сибирь украинцы, белорусы, урало-поволжские татары, чуваша, мордва, российские немцы, лица других национальностей, и этнический состав населения со временем усложнялся.

Доля аборигенов в общей численности населения Сибири сокращалась, и в начале XX в. в наиболее освоенных районах составляла менее 10 %. Некоторые органы печати и общественные деятели поспешили заявить о «вымирании инородцев» в результате колонизаторской политики царизма. Но это не так: общая численность представителей аборигенных народов со временем увеличивалась. К началу XX столетия по сравнению с XVII в. количество бурят увеличилось более чем в 10 раз, алтае-саянских тюрков — в 6,5 раза, сибирских татар — в 3 раза. Конечно, многие родоплеменные группы исчезли или сократились в численности, но, как правило, это произошло в процессе их слияния друг с другом или поглощения более крупными этносами. Лишь на Крайнем Севере время от времени действительно наблюдалось вымирание родов и стойбищ — от голода (охотничье и рыболовное хозяйство не гарантировало прокормления людей) и часто вспыхивавших эпидемий.

Специфической для Сибири категорией населения были ссыльные. В России практиковалась ссылка по суду — на каторжные работы или на поселение, а также административная высылка по распоряжениям властей, приговорам сельских и мещанских обществ. Во второй половине XIX столетия в Сибири побывало до 600 тыс. ссыльных и членов их семей. В 1900 г. уголовная ссылка была сильно сокращена, но политическая практиковалась довольно широко. В начале XX в. здесь насчитывали до 300 тыс. ссыльнопоселенцев — менее 5 % всего населения. Экономическое значение ссылки в это время сошло к минимуму.

Кладбище аборигенов в низовьях Оби. Пир остяков. Гравюры М. Гофмана (Германия) по эскизам О. Финша, сделанным с натуры в 1876 г.

Зимний обоз, доставляющий чай из Кяхты до Томска

На развитии хозяйства, социальной и культурной сферы Сибири сказывался и низкий удельный вес дворянства, духовенства, представителей городских сословий — мещан, купцов, а также невысокий уровень грамотности преимущественно в сельском, крестьянском крае. Городов в нашем регионе к середине XIX столетия было немного, они в основном играли роль административных и торгово-транспортных, в слабой степени — промышленных центров. Доля горожан в общей численности населения в 1863 г. не превышала 7 %. Однако следует заметить, что некоторые сибирские города имели общероссийскую известность, обладали собственным лицом. Тобольск славился своим каменным Кремлем на высокой горе, Омск был военным и казачьим форпостом в степи, Томск и Иркутск — купеческие гнезда — оспаривали звание сибирской столицы.

Великие реформы второй половины XIX столетия ознаменовали вступление России, вслед за странами Запада, в полосу ускоренной индустриализации и урбанизации, господства рыночных отношений и усложнения социально-классовой структуры, секуляризации и рационализации жизненных установок людей, распространения грамотности и светского

образования. Но в Сибири эти процессы начались позже, чем в Европейской России, протекали вяло и не привели к коренным прогрессивным переменам. Причины такого положения следует искать и в политике самодержавия, и в специфике сибирских условий.

В правительственных кругах никак не могли договориться: какой статус должна иметь Сибирь в составе империи? Какие методы избрать для освоения огромных пространств на востоке, от которых государство ждет, но никак не может дождаться крупной выгоды? Император Александр III в телеграмме генерал-губернаторам по случаю 300-летия присоединения Сибири к России написал, что «отдаленный край этот близок Моему сердцу», и со временем он получит такие же правительственные и общественные учреждения, блага просвещения, в нем так же усилится промышленность, как и во всей остальной империи. Министр внутренних дел Д. А. Толстой однажды резко оборвал своего сотрудника, рассуждавшего о необходимости сближения Сибири с метрополией: «У нас нет колоний!». Восточносибирский генерал-губернатор М. С. Корсаков писал в 1863 г.: «Сибирь есть страна по преимуществу русская; жители ее, за исключением особенностей, вызываемых географическим положением страны, подчинены тем же условиям гражданско-политического быта, как и обитатели внутренних губерний России, и поэтому распространение на них общих законодательных мер не может соединиться с какими-нибудь важными неудобствами». Однако именно внутренней колонией считали Сибирь многие важные чиновники, например, управляющий делами Второго Сибирского комитета В. П. Бутков. Редактор влиятельного в придворных кругах печатного органа «Гражданин» князь В. П. Мещерский, безапелляционно заявивший, что «один Невский проспект, по крайней мере, в пять раз ценнее всей Сибири», ратовал против увеличения государственных расходов на развитие «почти пустынной, некультурной» окраины.

Казахи-охотники. Гравюра М. Гофмана (Германия) по эскизу О. Финша, сделанному с натуры в 1876 г.

В 1861 г., одновременно с отменой крепостного права в Европейской России, свободу получили и помещичьи крестьяне в Сибири — их было немного, всего 3,7 тыс. Был отменен обязательный труд казаков-мастеровых на заводах, принадлежавших Сибирскому казачьему войску. Права «свободных сельских обывателей» в 1861—1866 гг. дарованы мастеровым Алтайского и Нерчинского горных округов: они освобождались от принудительного труда на заводах и рудниках и под именем «бергалов» оседали хозяйствовать на земле. Приписные крестьяне на Алтае тоже

стали свободными: заводская барщина для них заменилась денежным оброком за пользование землей. В их селениях формировались органы «общественного управления». Реформа облегчила порядок несения казачьей воинской службы: ее сроки сокращались с 30 до 22 лет. Вместо поголовного призыва ввели жеребьевку, казаки стали получать перерыв в службе для занятия сельским хозяйством. В казачьих поселках и станицах в 1870 г. было введено гражданское самоуправление — станичное и поселковое.

Но в положении тех сельчан-сибиряков, которые не входили в сословия казаков, помещичьих или кабинетских крестьян, а считались государственными, долго ничего не менялось. Лишь в начале 1880-х гг. было упорядочено их общественное самоуправление: увеличено количество волостных правлений, в составе волостей выделены сельские общества с собственными управлениями. Одновременно был учрежден усиленный надзор над крестьянским самоуправлением со стороны полицейских чиновников, а затем чиновников по крестьянским делам (1883 г.) и крестьянских начальников (1898 г.).

Долго дискутировался вопрос о землеустройстве в Сибири: кто и на каких условиях будет владеть сельскохозяйственными угодьями — главным богатством края. Эта затяжка стала возможной, потому что аграрные проблемы здесь не стояли так остро, как в центре страны: земли было много, население малочисленно, помещичье землевладение практически отсутствовало. Кроме того, требовалось изучить запутанные поземельные отношения и своеобразный строй крестьянского хозяйства, чтобы учесть их при реформировании. С этой целью в 1886—1897 гг. Министерство земледелия и государственных имуществ и управление Алтайского горного округа привлекли специалистов и провели массовое

Костюм богатого бурята. Фото 1891 г.

экономико-статистическое обследование крестьянского и «инородческого» хозяйства, быта сельского населения. Опубликованные тогда материалы обследований до сих пор служат важным источником знаний о жизни сибиряков: о людности их домохозяйств и размерах семейной запашки, порядке пользования общинными угодьями, своеобразных земледельческих, животноводческих и промысловых приемах, размерах и источниках доходов, жилищных условиях, агрономических и экологических знаниях.

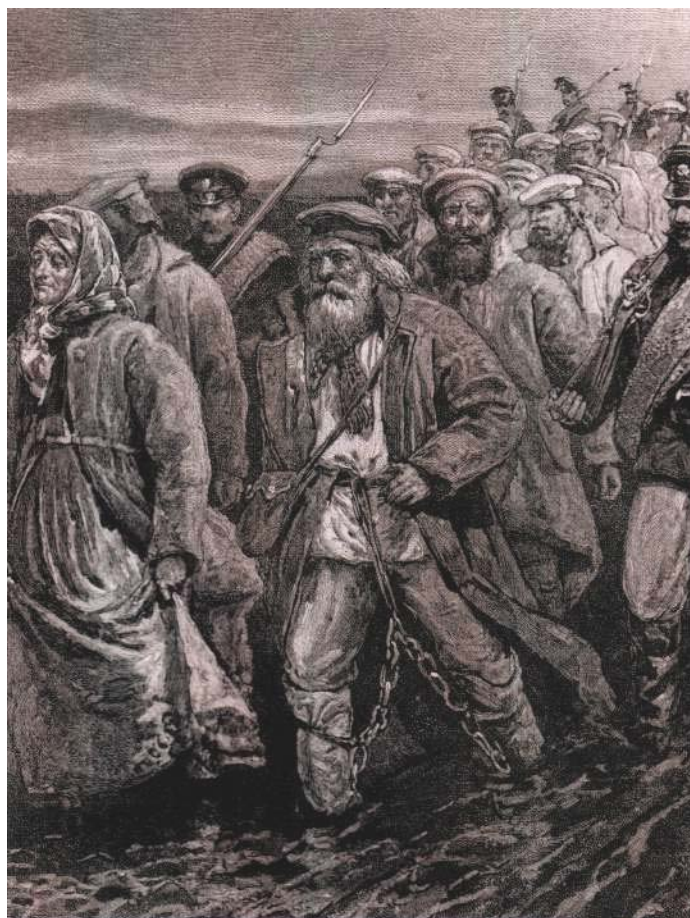
Но нарастающее переселенческое движение все же заставило правительство принять в 1896—1900 гг. несколько законов о поземельном устройстве. В отличие от центра, где наделные земли за выкуп передавались в

собственность крестьянских общин, на востоке земля оставалась в государственной либо кабинетской (императорской) собственности, а сельские общества получали наделы лишь в постоянное пользование. Если раньше наделы не ограничивались, то теперь вводилась норма: до 15 десятин пашни и до 3 десятин леса (там, где его было достаточно) на мужскую душу. Из тех земель, которыми крестьяне пользовались раньше, «излишние» (превышающие норму) участки изымались во владение казны и Кабинета. Продажа и залог наделных земель запрещались. Развернулось межевание земли: отграничивались друг от друга наделы соседних общин, крестьянская земля отделялась от той, что осталась в руках государства.

Новые порядки позволяли государству организовать на своей земле предпринимательскую деятельность, крестьянству — избежать владельческих

*Каторжане на работах в руднике.
Фото 1891 г.*

Ссылные на этапе в Сибири. Иллюстрация Дж. А. Фроста к книге Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка» (Нью-Йорк, 1891)

споров, заставляли крестьян-старожилов усовершенствовать хозяйство, чтобы на меньшей площади производить больше продуктов, давали возможность прибывающим переселенцам получать от государства землю из создаваемого для них наделного фонда. Однако крестьянам-старожилам новая политика властей не понравилась. Они сопротивлялись землеустроительной кампании, как могли, поскольку, во-первых, привыкли хозяйствовать на земельном просторе, а во-вторых, справедливо опасались злоупотреблений со стороны чиновников из межевых партий. В итоге к 1914 г. землеустройством сумели охватить только половину участков.

На рубеже веков из казачьего фонда была изъята на нужды императорского Кабинета часть земель в Забайкалье. Насильственными методами производилось сокращение земель сибирских аборигенов в тех районах, которые уже служили или должны были послужить местом для переселения крестьян, — в Бурятии, Горном Алтае, Хакасии. Делалось это под лозунгом «перевода кочевников на оседлое состояние». Одновременно проводилась административная реформа: традиционные родоплеменные органы самоуправления заменялись волостными учреждениями по русскому образцу. Усиливалось давление на аборигенов с целью их христианизации, лишения сословных преимуществ.

Наследник царского престола великий князь Николай Александрович среди агинских бурят. Фото 1891 г.

В серии аграрных преобразований в Сибири большое значение имели податные реформы, изменявшие систему налогообложения крестьян и «иностранцев». В их основе лежала идея замены устаревшего ясака и подушных сборов более подходящим для модернизированного общества подоходным налогом, стимулирующим производство.

В 1898—1899 гг. изданы законы, заменившие все подушные сборы с крестьян государственной оброчной поземельной податью. При взимании налогов с уездов (а в уездах — с волостных и сельских обществ) учитывались доходы от земледелия, скотоводства, промыслов. Кроме государственной подати, крестьяне платили земские и мирские налоги (на содержание сельских и волостных учреждений), выполняли отработочные повинности — чинили дороги, перевозили по тракту почту и чиновников и т. п. Размер платежей сибирских крестьян, включая стоимость натуральных повинностей, в начале XX в. составлял в среднем 22 % от доходности хозяйства. Это несколько меньше, чем в губерниях Европейской России и меньше, чем платежи в самой Сибири дореформенного периода. Совсем другое дело у аборигенов: там, где ясак заменяли оброчной податью, тяжесть повинностей возрастала.

Предприимчивые крестьяне сполна использовали данную законом возможность оставить в хозяйстве побольше средств и вложить их в производство. Зажиточные богатели еще быстрее, так как имели неформальную возможность влиять на раскладку государственных, земских и мирских платежей внутри сельских обществ (закон эту раскладку не регламентировал) и делали это в свою пользу. На крестьянской бедноте и на «иностранцах» накапливались недоимки, что создавало социальное напряжение в деревне.

В целом преобразования, проводившиеся в аграрной сфере региона во второй половине XIX в., укладывались в общее русло буржуазно-либерального реформирования России, но в Сибири власти придерживались этого курса еще более нерешительно и непоследовательно, чем в центре страны. К началу XX в. были сохранены и даже усилены некоторые институты и порядки традиционного общества:

Генерал от инфантерии Г. Х. Гасфорд — генерал-губернатор Западной Сибири, командующий Отдельным Сибирским корпусом (1851—1861 гг.)

Н. М. Ядринцев

государственная собственность на землю, сословные привилегии казачества, крестьянская община как ячейка, подчинявшая себе личность и инициативу селянина, слабость самоуправления и подотчетность его чиновничеству. Развитие восточных окраин сдерживала и непоследовательная переселенческая политика правительства: до начала XX в. власти пытались ограничить переселение крестьян на восток, ужесточая условия переезда и закрывая для вселения целые области.

В эпоху Великих реформ на Сибирь была распространена и военная реформа: в 1865 г. среди 15 военных округов страны был учрежден Сибирский военный округ с центром в Омске. Позже его пытались раздробить — делили на Западносибирский (Омский) и Восточносибирский (Иркутский), но потом вновь объединили, и он существует до сих пор. Военно-окружная система имела ряд преимуществ по сравнению с порядками прежнего времени: ликвидировалась излишняя централизация управления, создавались условия для быстрой мобилизации войск на случай войны, усилилась «смычка» регионального общества с вооруженными силами, которые формировались в значительной степени из числа местных жителей. В результате военной реформы с 1874 г. почти половина всех мужчин-сибиряков проходила через армейскую и флотскую службу, закаляя свой характер, расширяя кругозор от пребывания в новых местах и знакомства с новыми людьми, становясь элементарно грамотными после обучения в солдатских школах.

Как и во всей стране, в Сибири были проведены либеральные реформы в области городского самоуправления (большинством городов стали руководить выборные городские думы, имеющие собственный бюджет), финансовые реформы (учрежденные в губерниях контрольные палаты, не зависящие от губернской администрации, ежемесячно проверяли расходы местных учреждений) и некоторые другие. Однако две наиболее радикальные реформы — земская и судебная — долго не проводились и даже всерьез не планировались в Сибири. Дело в том, что в центре страны при проведении этих реформ самодержавие опиралось на дворянство — наиболее лояльное и образованное сословие. В Сибири же дворянская прослойка была слабой, а расширять крестьянское и купеческое влияние даже на местную власть не входило в планы правительства. Да крестьяне в основной массе и не были готовы в то время взять на себя ответственные роли вершителей дел в земских собраниях и коронных судах. Судебные уставы 1864 г. были распространены на Сибирь только в 1897 г., и то в урезанном виде: суд присяжных заседателей в них не предусматривался. Земские же учреждения стали создаваться уже после победы демократической революции летом 1917 г.

Анализируя политику центральной власти по отношению к Сибири, некоторые публицисты и общественные деятели конца XIX в. говорили об ее подчиненном, колониальном положении в Российской империи, о том, что сибиряки не имеют «полных

прав гражданства». Видный ученый и литератор Николай Михайлович Ядринцев так формулировал общественные запросы: «Сибирское общество ждет введения земства, нового гласного суда, распространения образования, гарантий личности и лучшего общественного существования». И главным в этом перечне было земство, региональное и местное самоуправление, которое в тесном союзе с администрацией могло ускорить и правильно сориентировать программу переустройства сибирского общества, заняться развитием производительных сил в регионе. Состояние же этих производительных сил по ряду позиций внушало беспокойство.

Фундаментом экономики региона являлось сельское хозяйство, в целом развивавшееся довольно успешно. Лесостепные и степные зоны стали житницей Сибири, первенства здесь добились предгорные районы Алтая, юго-западные округа Тобольской губернии, несколько отставал юг Восточной Сибири. Земледелие в таежных районах потеряло свое прежнее значение. Выращивали в Сибири все известные русским зерновые культуры, но наибольшее значение имели яровая пшеница и овес. В конце XIX в. западнее Енисея пшеница занимала больше трети, а в 1917 г. — свыше половины всей посевной площади. В Восточной Сибири, как и в центре страны, основной продовольственной культурой была рожь. Из технических культур возделывали лен и коноплю. Быстро расширялись посадки картофеля, но они занимали в 10 раз меньшую площадь, чем зерновые культуры. В южных степных районах проводились успешные опыты по выращиванию непривычных для сибиряков культур — табака, сахарной свеклы, арбузов и помидоров.

Освоение плодородных целинных земель долго позволяло получать более высокие урожаи зерна и картофеля, чем в центральных районах страны, хотя по нынешним меркам — весьма скромные. Так, в период 1901–1906 гг. «чистая» (за вычетом семян для посева) урожайность пшеницы и овса составила в разных губерниях Сибири 40–60 пудов с десятины (6–9 ц/га). Урожаи были нестабильными, на них влияли засухи, заморозки, в иные годы саранча уничтожала значительную часть всходов. Тем не менее, среднегодовой валовой сбор зерновых в Сибири в период 1861–1900 гг. увеличился на 40 %. В Томской губернии за это время произошло удвоение валового сбора, а к 1914–1917 гг. он увеличивается почти в пять раз. Во многом этот прирост обеспечивался распашкой новых земель, но с конца XIX в. сборы зерна начинают прирастать в два раза быстрее, чем посевная площадь, что свидетельствует об улучшении технологии земледелия.

Помимо свободного фонда земель и роста населения важным экономическим фактором в развитии земледелия стали складывающиеся в регионе рыночные отношения. Уже в эпоху первоначального русского освоения, а тем более в XIX столетии, крестьянское хозяйство Сибири обладало рыночной ориентацией. Спрос на хлеб постоянно повышали растущие

города, формирующиеся золотопромышленные районы, винокуренная промышленность, прибывающие переселенцы, потерявшие самостоятельность разоряющиеся крестьяне. Однако до конца XIX в. слабая транспортная сеть тормозила развитие рынков сбыта. Сибирское зерно почти не выходило за пределы региона.

Не менее важной отраслью сельского хозяйства было животноводство. По количеству скота на душу населения Сибирь намного превосходила центральные губернии. Например, в 1864 г. здесь на 100 жителей приходилось 65 голов крупного рогатого скота (в Европейской России — 34), 84 овцы (в России — 72). Больше половины стада составляли лошади и крупный рогатый скот, удельный вес которого со временем повышался. В Алтае-Саянском нагорье были приручены маралы, их выращивали ради пантов, которые продавали в соседний Китай. поголовье домашнего скота в Сибири быстро росло: с 1860-х по 1890-е гг. оно увеличилось в 1,8 раза (в Томской губернии — почти в 3 раза), затем темпы роста ускорились.

Недостатками сибирского скотоводства были его экстенсивный характер, невысокая продуктивность. Например, годовой удой от коровы в Западной Сибири составлял 50—70 пудов, в Восточной и того меньше. Правда, сибирское молоко славилось высоким содержанием жира — в среднем 5 %. Крестьян устраивала неприхотливость скота, его хорошая приспособленность к климату, но бичом животноводства стали частые эпизоотии: чума, сибирская язва и иные болезни губили сотни тысяч голов скота. Как бы то ни было, в середине XIX в. первое место среди сибирских товаров на всероссийской Ирбитской ярмарке занимали масло, кожи, сало, щетина. Часть топленого масла вывозилась за границу. Основными же потребителями мяса, масла, молока были местные города, прииски, тюремное и военное ведомства.

В северных таежных районах Сибири значительную роль в хозяйстве играла охота на пушных зверей, рябчиков, оленей, медведей. Из-за перепромысла количество пушных зверей уменьшалось, но цены на модные меха росли более высокими темпами, чем сокращалась добыча. Пушная

Военный чиновник. Рис. Б. Смирнова, 1904 г.

торговля давала заработок многочисленным промысловикам и торговцам, стала важным источником получения иностранной валюты для России, так как меха были дорогим товаром экспортного назначения. В низовьях Енисея, Иртыша, Оби и на озере Байкал сложились районы промыслового рыболовства общерегионального масштаба. На Алтае возникло пчеловодство, затем оно распространилось на лиственные леса соседних губерний и стало иметь товарное значение.

Крестьянская среда в основном ориентировалась на традиционные образцы хозяйствования и общинной жизни, но уже стали появляться люди новой предпринимательской формации, перераставшие свое окружение. Одним из них был Федор Федорович Девятов (1837—1901 гг.),

Семья сибиряков.

Иллюстрация М. Гофмана (Германия) по эскизу О. Финша, сделанному в Томской губернии в 1876 г.

житель села Курагинское Минусинского округа Енисейской губернии. Он проводил опыты по внедрению севооборота и новых сортов культур, по травосеянию и удобрению пашни. Получал стабильные урожаи, в 2—3 раза превышающие средние по губернии. Был активным участником хозяйственных выставок (Красноярск, 1892 г.; Чикаго, 1893 г.), где удостоился золотой медали и дипломов за «необыкновенно высокое» качество хлебных семян, муки, крупы, обработки льна. Девятов создал небольшой конный завод, разводил свиней и коров наиболее продуктивных пород. Не замыкаясь на деревенских делах, сотрудничал с Минусинским краеведческим музеем, Московским обществом сельского хозяйства в их научной и просветительской работе. Его статьи в периодике, по оценке редакции газеты «Восточное обозрение», «крайне интересны, полезны и поучительны, во-первых, для всякого интересующегося крестьянской жизнью, во-вторых, для каждого администратора. Без подобного рода фактов нельзя ни о чем судить относительно Сибири и главной массы ее населения».

В отличие от сельского хозяйства промышленность Сибири в досоветский период не получила достойного развития. Регион являлся аграрно-сырьевым придатком Европейской

России и имел при этом отрицательный торговый баланс, в чем усматривался важный признак колониального положения края. Н. М. Ядринцев с горечью писал в 1865 г.: «Промышленное развитие наше невысоко, Сибирь пользуется всем привозным, у нас нет мануфактур, и заводы ничтожны, мы пьем,

*Промывка золота на прииске,
Фото 1891 г.*

едим и одеваемся чужими произведениями, мы не самостоятельный экономически народ, а эксплуатируемые массы, простяки-труженики, надуваемые разными спекулянтами, вроде московских мануфактуристов». В самых общих чертах эта характеристика справедлива. Но насколько она достоверна в деталях? В действительности основная часть сибиряков с давних пор пила, ела и одевалась как раз «произведениями» собственного хозяйства. В своем огороде, на своих полях выращивали все необходимое для пропитания, сами мастерили повозки, мебель и посуду, выделывали кожи, холсты и шили из них одежду. В ряде районов сложилось ремесленное производство, продукты которого продавались на местных рынках и через Ирбитскую ярмарку выходили за Урал. Тюмень и окрестные села называли «кожевенным цехом» Сибири, в 14 окрестных деревнях мастерили дорожные экипажи. Всероссийскую известность имели тюменские ковры. Барнаул с его округой стал центром шубного промысла. В Тобольском, Курганском, Туринском, Тарском, Томском, Иркутском округах на ярмарке можно было купить изделия здешних кустарей из дерева, металла, шерсти и кожи.

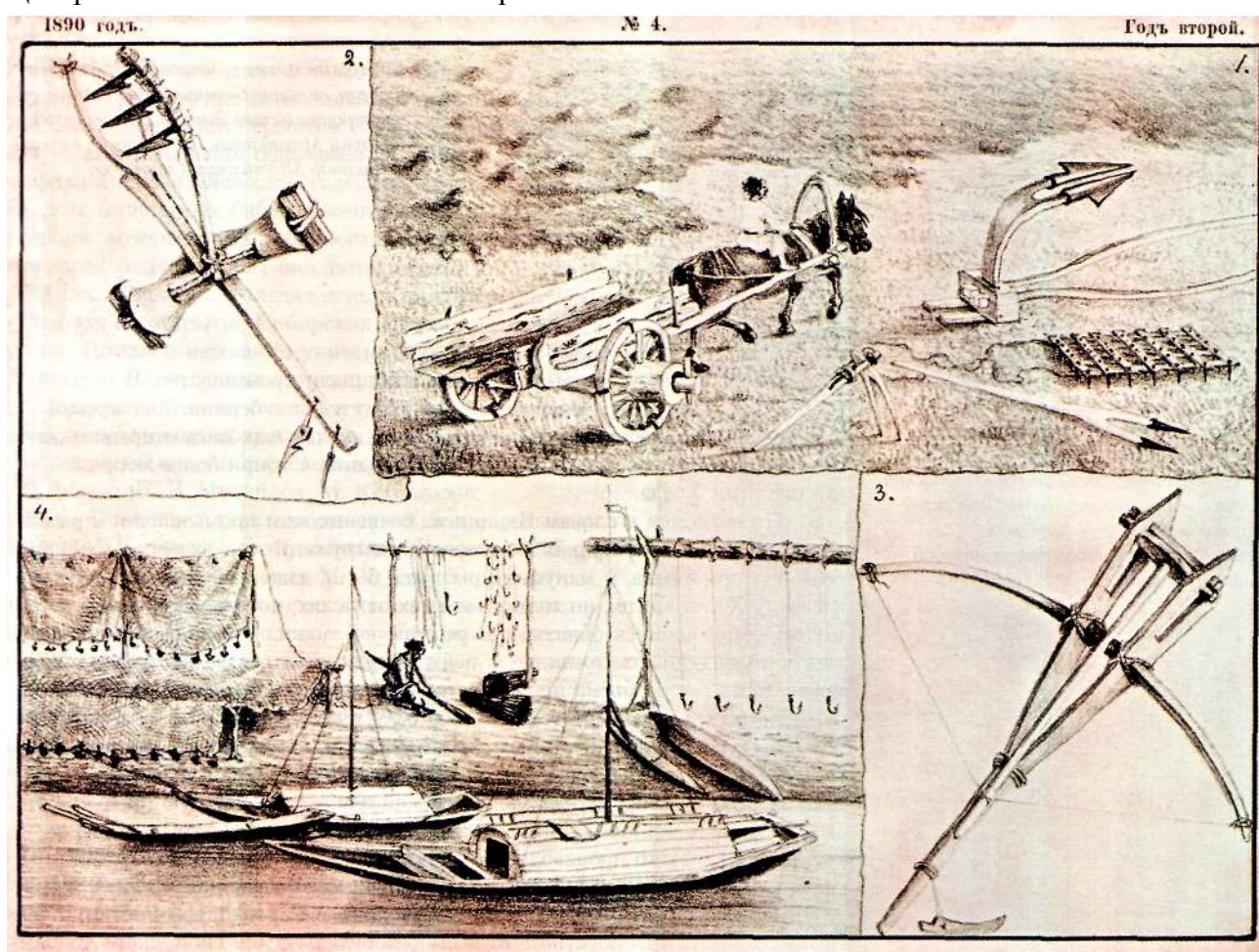
На местной сырьевой основе, используя опыт кустарных промыслов, развивалась в крае обрабатывающая промышленность мануфактурного типа. Весьма перспективными оказались мукомольное и винокуренное производство, перерабатывавшее крестьянское зерно. Но прочие отрасли испытывали трудности из-за недостатка капиталов, которые было выгоднее вкладывать в торговые операции. Развитие промышленности тормозили сложная «разрешительная» система при открытии дела, слабая транспортная сеть, сезонность работы и т. д.

*Богатства Восточной Сибири.
Заставка из книги «Живописная
Россия» (1895. Т. 12)*

Важнейшее место в экономике Сибири занимала горнорудная промышленность. Она давала свыше половины валового объема индустриального производства, здесь обращались основные капиталы и открывалось больше всего рабочих мест. Главную же роль среди отраслей горного производства играла добыча золота. Драгоценный металл из Сибири

составлял основу золотого запаса России (80 % всей добычи), на него опиралась финансовая система страны, под его гарантии проводились экономические и социальные реформы. К концу XIX в. добыча золота в Сибири увеличилась по сравнению с дореформенным периодом почти в два раза, но по темпам развития золотопромышленности Россия отстала от других золотодобывающих государств. По официальным данным, в 1896—1900 гг. на Сибирь с Дальним Востоком приходилось 8 % мировой добычи золота, и она уступала только США, Южной Африке и Австралии. Следует еще учитывать, что половину добытого золота для уменьшения налоговых платежей скрывали от регистрации. Золотопромышленность содействовала освоению малозаселенных районов Восточной Сибири, расширению производства в смежных отраслях, укреплению экономических связей Центральной России и восточных окраин.

Орудия труда крестьян Нарымского края.

1 — Соха, деревянная борона с железными зубьями, «таратайка» для вывоза навоза со двора на пашню, вилы с железным наконечником и деревянная кирка для разбрасывания навоза.

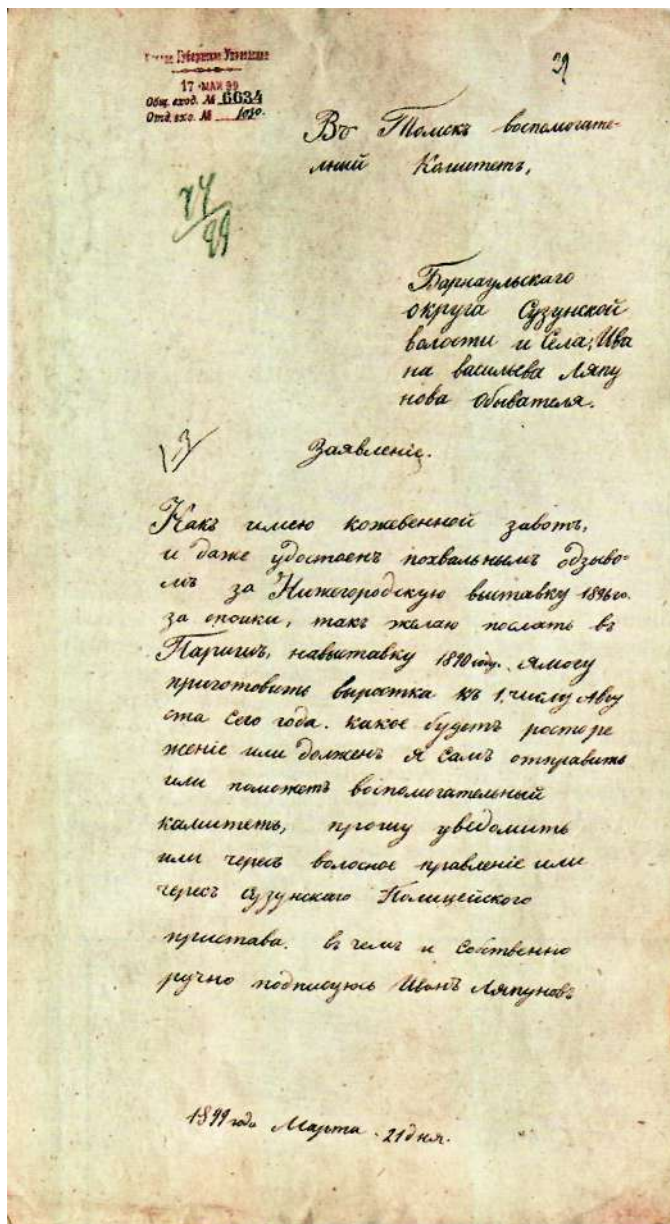
2 — Клетцы для ловли лисиц и зайцев.

3 — Черкан для охоты на белок.

4 — Приспособления для рыбной ловли: неводы, самоловы, переметы, морды, лодки разного типа

Сибирь лидировала в России по добыче полиметаллических руд, производству серебра и свинца (более 80 % в конце XIX в.), но выплавка меди и черная металлургия имели лишь местное значение. В развитии этих отраслей прослеживается интересная закономерность. Предприятия на Алтае и в Забайкалье, принадлежавшие Кабинету и казне, с середины XIX в. переживали кризис – закрывались или сокращали производство. В то же время частные заводы (Николаевский в Иркутской губернии, Абаканский в Енисейской) наращивали выплавку чугуна до тех пор, пока открывшаяся Транссибирская железная дорога не подчинила рынки Сибири более мощной металлургии Урала.

Но вернемся к словам Ядринцева о «невысоком промышленном развитии» Сибири и о сибиряках как «простях-тружениках». Конечно, Сибирь себя прокармливала, и мануфактуры здесь были, даже фабрики появились к началу XX столетия, но только не в тех отраслях, которые нужны были модернизирующемуся обществу. В регионе не сложилась, например, текстильная промышленность, тогда как в центре страны она давала на рубеже веков почти треть всего объема производства. Не получили серьезного развития отрасли, обеспечивающие техническую базу индустриализации — металлообработка, машиностроение, черная металлургия. Сибирь специализировалась на производстве сельскохозяйственной продукции, которая частично вывозилась за Урал в обмен на гораздо более дорогую промышленную продукцию. В начале XX столетия на долю сельского хозяйства приходилось три четверти стоимости валового производства Сибири. Почти 80 % вывоза составляла продукция сельского хозяйства, а промышленные товары давали

Заявление сельского предпринимателя о намерении участвовать во Всемирной выставке в Париже 1900 года. Кожевник И. В. Ляпунов удачно экспонировал опойки (сорт выделанной кожи) на Нижегородской выставке, теперь хотел бы представить в Париж выростка — еще более качественно выделанную шкуру молодой рогатой скотины

99 % ввоза. Многие сибирские продукты перерабатывались в Европейской России, а потом доставлялись обратно, что было разорительно для сибиряков. Колониальное положение Сибири сказывалось и в том, что в досоветский период здесь не был завершен промышленный переворот. Несколько отраслей, где была внедрена механизация, — речное пароходство, винокурение, мукомольное дело, золотодобыча, — тонули в море мелкого производства, основанного на ручном труде.

Сибирские купцы – меценаты и благотворители, внесшие большие средства на строительство Томского университета: Захарий Михайлович Цибульский (слева), Александр Михайлович Сибиряков

Большинство сибирских предпринимателей (в начале XX в. – 75 %) относилось к числу мелких, с прибылью до 1000 р. в год, но и 60—70 самых состоятельных деловых людей – миллионеров – могли только завидовать капиталам Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода. Происхождение сибирских состояний в литературе часто изображалось самыми темными красками: бессовестное ростовщичество, торговля втридорога негодным товаром, взятки чиновникам для получения выгодного подряда, даже разбой на дороге. Но это далеко не всегда справедливо. Помогали «выбиться в люди» семейные связи, личная предприимчивость, бережливость и обязательность, жесткость и пунктуальность в сделках, низкая в то время оплата труда работников, бывало — и счастливый случай...

Признательность современников и потомков заслужили «просвещенные капиталисты» — те сибирские купцы и промышленники, что вкладывали деньги в

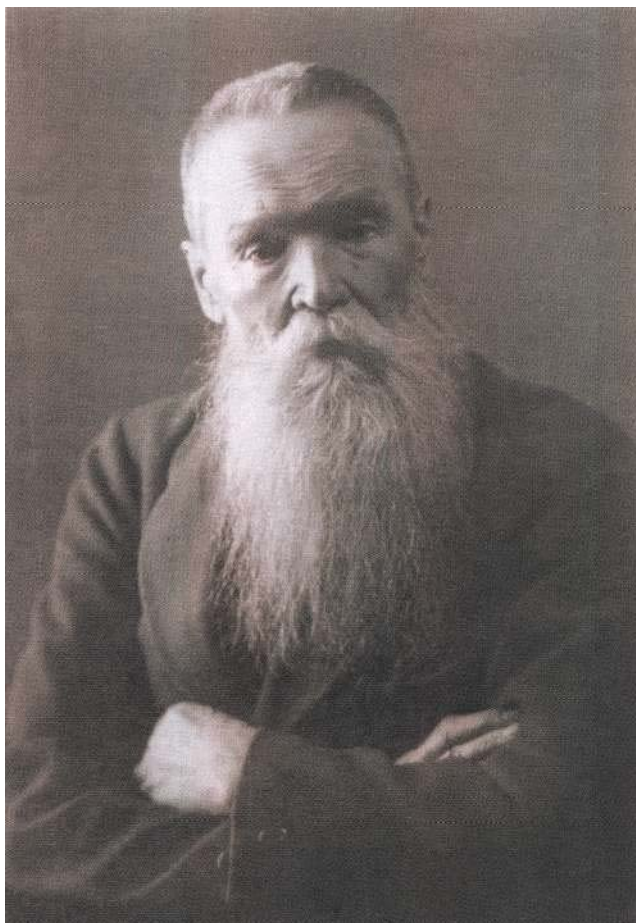
Группа сибирской интеллигенции, в том числе П. И. Макушин (первый слева) и Г. Н. Потанин (первый справа) на встрече с общественным деятелем и ученым Н. А. Морозовым (в центре) во время его визита в Томск. Фото 1915 г.

нужные для родного края производственные проекты, поддерживали науку, искусство и образование. Один из них — Петр Иванович Макушин (1844—1926) — начал предпринимательскую деятельность с книготорговли и жизненным девизом сделал слова: «Ни одного неграмотного!» Он постоянно расширял коммерцию и, работая в книгоиздательстве и переплетном деле, вовлекал в круг читателей и потенциальных покупателей книг ремесленников, крестьян, строителей железной дороги. В 1873 г. открыл в Томске Сибирский книжный магазин — учреждение регионального значения. Макушин был основателем первого в Сибири Общества попечения о начальном образовании, в 1901 г. создал и профинансировал Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии, которое за 18 лет своего существования открыло и затем содержало 571 библиотеку с фондом в 180 тыс. томов. Он выделял деньги на стипендии студентам, на открытие Сибирских высших женских курсов, Томского народного университета, на обеспечение множества общественных и культурных инициатив.

Макушин был не одинок в своих благотворительных и меценатских заботах. Значительные средства на общественные цели выделяли купцы В. Н. Баснин, А. Д. Быков, П. В. Михайлов, М. К. Сидоров, В. П. Сукачев, представители династий

Белоголовых, Гадаловых, Корнильевых, Кузнецовых, Поповых, Сибиряковых. Знаменитый народник М. А. Бакунин, лично знавший в Иркутске некоторых купцов новой формации, писал, что у них «воля железная, и ума палата, и сердце могучее и широкое, и опытность драгоценная, и знание дела и края громадное».

Новая страница истории края открывается строительством Транссибирской железной дороги, связавшей не только центр страны с окраиной, но и прочно, как обручем, стянувшей саму бескрайнюю Сибирь, соединив ее западные и восточные районы.

Петр Иванович Макушин. Фото 1915 г.

Предшественником Транссиба в роли главной транспортной артерии был Московско-Сибирский гужевой тракт, однако его пропускной способности не хватало уже в середине XIX в. Решение о строительстве железной дороги было обусловлено не только экономическими соображениями, но и геополитическими интересами России — необходимостью навечно закрепить единство страны, ускорить заселение и освоение ее окраин, находящихся в зоне потенциальных притязаний других держав, обеспечить русское влияние в зарубежной Азии. В церемонии закладки Великого Сибирского пути, состоявшейся 19 мая 1891 г. во Владивостоке, принял участие наследник престола, будущий император Николай II. Возвращаясь из кругосветного путешествия, он первым из российских правителей проехал всю Сибирь с востока на запад, осмотрел многие достопримечательности края и встретился с представителями местного населения.

Такими караванами возили золото и серебро из Нерчинского и Алтайского горных округов в Петербург до постройки железной дороги

Изыскательские и строительные работы, часто с опережением проектных сроков, поэтапно велись на западносибирском, среднесибирском и забайкальском участках до 1904 г. Дорога возводилась на государственные средства, русские частники получали выгодные правительственные заказы, а помощь иностранного капитала была отвергнута. Самая длинная в мире магистраль (свыше 7,5 тыс. верст) побила все рекордные показатели: заготовлено и уложено больше 12 млн шпал, 1 млн т рельсов и скреплений, перемещено свыше 100 млн кубометров грунта, возведены мосты и тоннели общей протяженностью до 100 км. При строительстве дороги ярко проявила себя передовая русская техническая мысль. Автор проекта моста через Енисей в Красноярске Л. Д. Проскуряков за новизну идей получил золотую медаль и первый приз на Всемирной выставке достижений мостостроителей в Париже. Талантливый инженер Б. И. Савримович, руководивший работами на беспримерном по трудности проходки Кругобайкальском участке, нашел много смелых решений, позволивших удешевить и ускорить строительство.

Значение постройки железной дороги так велико для Сибири, что это событие — даже больше, чем реформу 1861 г., — можно считать тем рубежом, с которого начинается эпоха капиталистической модернизации восточных окраин России. На самом деле Сибирь только теперь стала неотъемлемой органической частью всероссийского рынка и получила возможность постоянного выхода на мировой рынок.

*Проходка железной дороги на Кругобайкальском участке.
Фото конца XIX в.*

Обслуживание железной дороги и ее ответвлений,

подвижного состава и пассажиров стало совершенно новой сферой экономической жизни региона. Именно здесь сложился довольно квалифицированный и наиболее сплоченный отряд пролетариата. Линия железной дороги стала главным очагом и стержнем рабочего движения в Сибири.

В крае стали формироваться и другие новые отрасли экономики, например, каменноугольная промышленность: уголь требовался самой железной дороге, по магистрали его можно было перевозить на большие расстояния. Вблизи дороги сформировались районы угледобычи, причем главный из них — Кузнецкий — является ведущим в России и до сего дня. Отрасль становится второй по значению в горнодобывающей промышленности Сибири после золотодобычи. В Кузбассе появились ростки химической промышленности. Сильное ускорение в своем развитии получила золотопромышленность. В первом десятилетии XX в. добыча золота, по официальным данным, выросла на 127 %. Важнейшим в стране стал Ленский золотопромышленный район. Именно в этой отрасли сложились самые мощные в Сибири и самые известные в стране акционерные предприятия: Российское золотопромышленное общество и Ленское золотопромышленное товарищество. Тюменский

лесопромышленный район вошел в число крупнейших поставщиков лесных материалов на мировой рынок.

Мощный импульс получила промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья. Здесь сложилось новое специализированное направление — производство сливочного масла. Первые маслодельные предприятия появились в Тобольской губернии в 1880—

*Богатства Западной Сибири.
Заставка из книги «Животисная
Россия» (1884. Т. 11)*

1890-х гг., а затем вся лесостепная полоса Западной Сибири покрылась заводами с молочными сепараторами. Сибирское масло с уникальными вкусовыми качествами

почти полностью вывозилось в Европейскую Россию и за границу. В 1910 г. премьер-министр П. А. Столыпин заявил: «Весь наш экспорт масла... целиком основан на росте сибирского маслоделия. Сибирское маслоделие дает золота вдвое больше, чем вся сибирская золотопромышленность». В этой фразе есть преувеличение, но не очень большое. В начале века во всей стране добывалось в среднем золота на 56 млн р. ежегодно, а вывоз масла из Сибири за границу в 1911–1913 гг. достигал почти 70 млн р. в год.

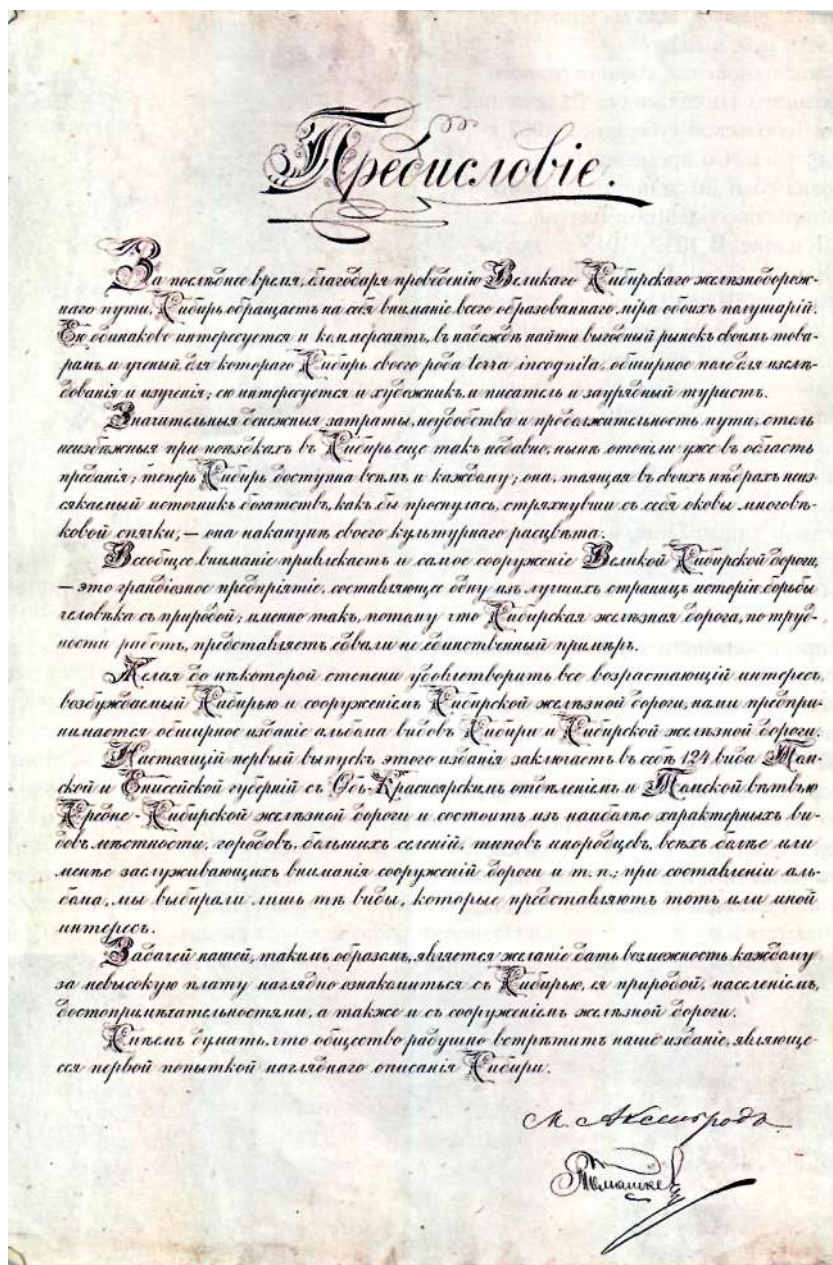
С производством масла тесно связано возникновение кооперативного движения в Сибири. Под руководством Александра Николаевича Балакшина, энергичного купца-предпринимателя, крестьяне Тобольской губернии в 1907 г. основали Сибирский союз маслодельческих артелей. Со временем союз охватил всю Западную Сибирь и контролировал сбыт 30 % производимого здесь масла. Были оборудованы погрузочные приспособления в балтийских портах, заключались оптовые соглашения в Лондоне. В 1912—1915 гг. потребительские союзы развивались в Омске, Петропавловске, Новониколаевске, Томске, Мариинске, Нижнеудинске, Верхнеудинске, Чите. От потребительских операций также перешли к созданию собственного перерабатывающего производства. Наконец, в 1916 г. была реализована идея создания общесибирского объединения кооперативных организаций. «Союз сибирских кооперативных союзов» (Закупсбыт) включал 26 организаций и имел 19 региональных контор, которые приобретали для пайщиков потребительские товары и реализовали сельскохозяйственную продукцию не только в России, но и в Нью-Йорке, Лондоне, Стокгольме, Шанхае. В Новониколаевске, где располагался центр Закупсбыта, работали его заводы и типография, в низовьях Оби действовали рыбоперерабатывающие артели. Деятельность сибирских кооперативных организаций, крупнейших и наиболее влиятельных в стране, была зрелой и перспективной.

Под влиянием железной дороги в Сибири произошли территориальные демографические сдвиги: население стало концентрироваться в зоне экономического влияния стального пути.

На пересечении магистрали с крупными реками, рядом с железнодорожными станциями, каменноугольными копями возникло немало новых городских поселений: Новониколаевск с его паровыми мельницами, железнодорожным депо и торговыми складами (он к 1913 г. вошел в первую пятерку по численности населения в регионе), Петропавловск, Татарск, Тайга, Боготол, Мысовая и др. Некоторые старые городские центры получили дополнительные стимулы в развитии, и в целом можно говорить о начале урбанизационных процессов в Сибири конца XIX – начала XX в.

После постройки железной дороги в Сибирь из

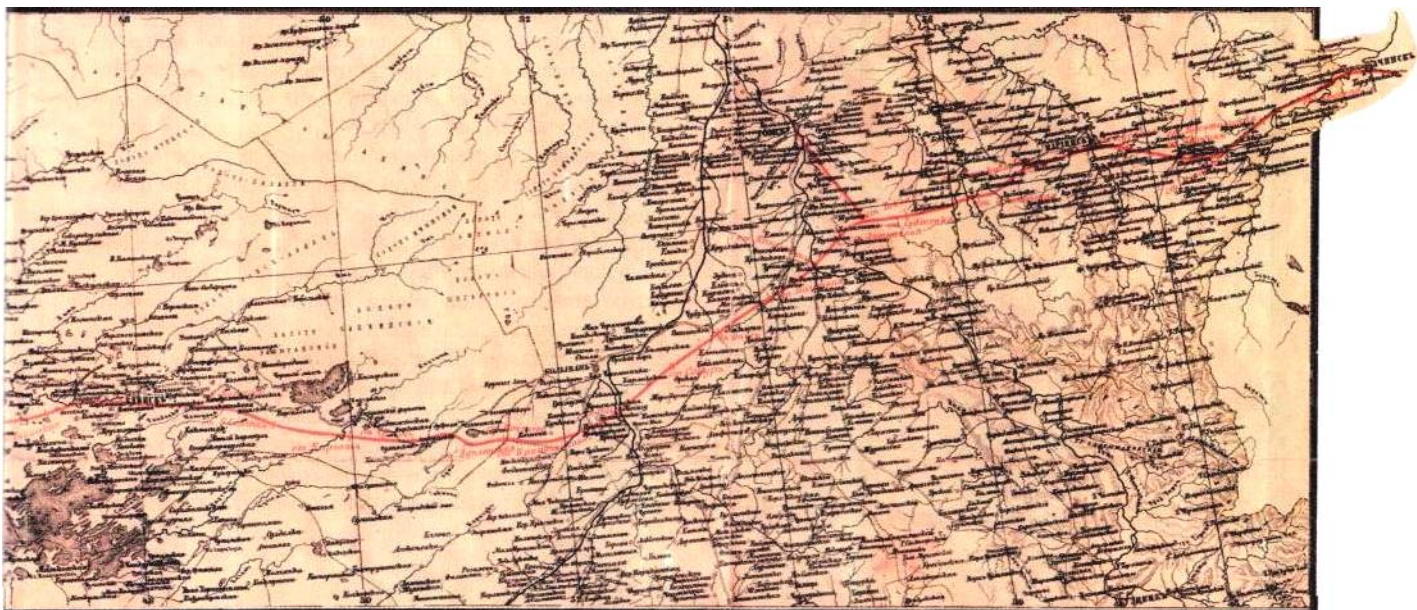
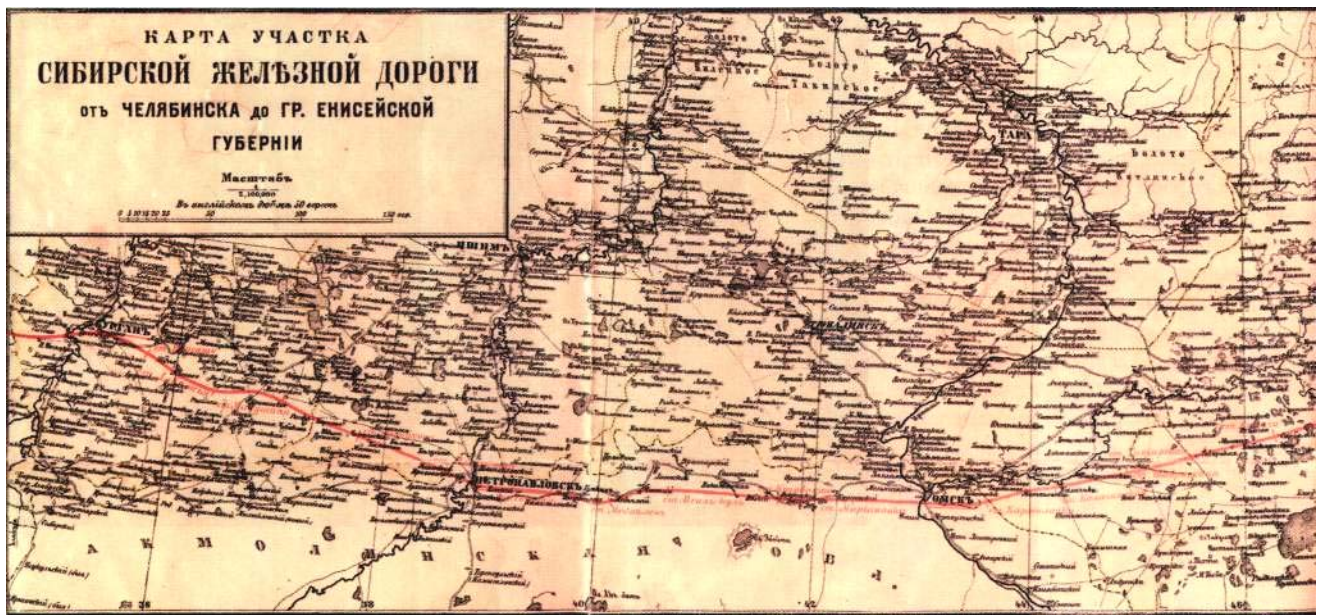
Европейской России хлынули станки, машины и металлоизделия, и в крае ускорился промышленный переворот, распространившийся и на сельское хозяйство. В начале XX в. крестьянские хозяйства Сибири были обеспечены железными плугами, жатками, молотилками, сенокосилками лучше, чем большинство районов Европейской России. В Сибирь в огромных количествах завозились предметы потребления, и отныне любой деревенский житель, не говоря уже о горожанах, не мог обойтись в повседневном обиходе без покупных вещей. Что касается вывоза из Сибири, то за 10 лет он увеличился по стоимости в 15 раз, и это несмотря на то, что царское правительство ввело на 1893–1913 гг. челябинский тарифный перелом. Сибирский хлеб, проходя через Урал, облагался двойным

Предисловие к книге «Великий путь» (Красноярск, 1899. Вып. 1)

железнодорожным тарифным сбором, поэтому дорожал при продаже и составлял слабую конкуренцию продукции помещичьих хозяйств Центра.

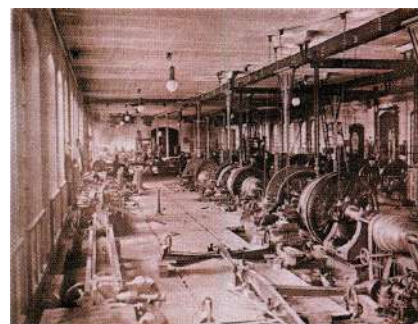
Стали регулярными каналы миграции и межчеловеческого общения как внутри региона, так и в связях с Европейской Россией. Массовое переселение не просто повысило численность населения Сибири, оно сформировало рынок наемной рабочей силы в деревне и городе. Многие новшества в народной культуре и образе жизни сибиряков были бы просто невозможны без диалога старожильческих и переселенческих социокультурных стандартов.

Карта района железнодорожной магистрали в Западной Сибири от Челябинска до границы Енисейской губернии. Начало XX в.

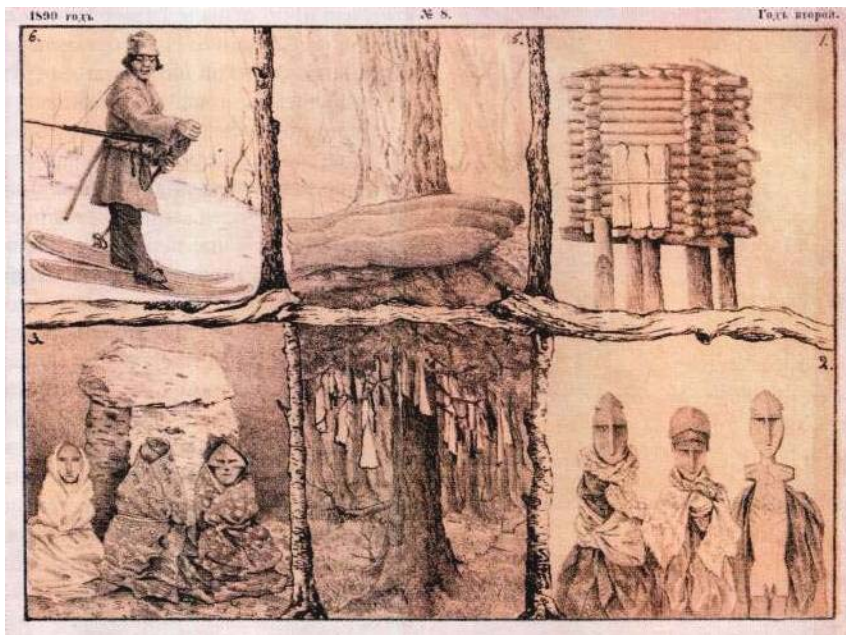
Было в истории Сибири еще одно событие, по значению сравнимое с постройкой железной дороги, – Столыпинская аграрная реформа 1906–1914 гг. Главный реформенный указ о праве выхода крестьян из общины и закреплении наделов в частную собственность поначалу не распространялся на Сибирь, даже переселенцев водворяли здесь не на индивидуальные, а на общинные участки. Но с 1911 г. правительство взяло «новый курс». После ознакомительной поездки в Сибирь премьер П. А. Столыпин и министр земледелия А.В. Кривошеин напишут, что следует «встать и в Сибири на путь создания и укрепления частной собственности, покончить с титулом государственной собственности для всех земель, отводимых старожилам и переселенцам», а также «устранить общинно-земельные порядки в Сибири». Впрочем, соответствующий законопроект, направленный правительством в Государственную думу, так и не был утвержден, но отныне переселенцам стали часто нарезать землю в единоличное пользование. На добровольной основе проводился также раздел общинных участков на хутора и отруба. Правда, отрубные участки в Сибири передавались не в частную собственность, а «в частное владение на правах постоянного наследственного пользования». Так введение частной собственности на землю натолкнулось на привычное для России опасение ослабить государственную роль в экономике и потерять доходы казны.

Главное достижение Столыпинской реформы в Сибири — это существенное облегчение переселенческого движения, приведшее к освоению новых районов и вовлечению в хозяйственный оборот 16,5 млн десятин целинных земель. Нужно отдать должное реорганизованному в 1906—1907 гг. Переселенческому управлению, которое во всех сибирских губерниях и областях стало иметь свои подразделения. Управление недаром называли «сибирским земством»: его работники строили школы, православные церкви и

Из альбома видов Западно-Сибирской и Екатеринбургско-Челябинской железных дорог, 1892–1896 гг.

больницы, проводили дороги, копали колодцы и пруды, создавали агрономические отделы с опытными полями и станциями, распространяли через свои склады сельскохозяйственную технику. Деятельность Переселенческого управления не могла, конечно, устранить всех проблем первоначального устройства новоселов, но все же облегчала его, способствовала размыванию традиционалистского мышления сибирского крестьянина, стимулировала модернизацию социальной структуры деревни, крестьянского хозяйства и быта.

Предметы религиозного культа и хозяйства хантов (с фотографий А.В. Адрианова, 1880-е гг.).

1 - Амбарчик для хранения идолов и жертвоприношений.

2-3 - Общественные и домашние антропоморфные идолы.

4 - Общественный жертвенный кедр, увешанный лоскутками.

5 - Идолы в виде рыб.

6 - Охотник на лыжах с ружьем и посохом

Рассказ об обновлении Сибири во второй половине XIX — начале XX в. был бы неполным без характеристики изменений в культуре и общественном сознании. В традиционном аграрном обществе важнейшей формой культурной жизни была массовая народная (фольклорная) культура,

Реклама в периодической печати начала XX в.

основанная на передаче из поколения в поколение образцов и ценностей, выработанных предками. Народная культура русских сибиряков развивалась на основе дополнения местных старожильческих форм образцами, привнесенными из западных регионов переселенцами, при некотором влиянии культуры сибирских аборигенов. Известны немалые достижения в агрономической и экологической, этнопедагогической, религиозно-духовной и книжной (у старообрядцев), фитотерапевтической, краеведческой культуре сибиряков, а также в области народной технологии — жилищного строительства, конструирования одежды, изготовления орудий труда и транспортных средств в XVIII—XIX столетиях.

Довольно успешно, хотя и не беспроблемно, развивалась и культура коренных народов Сибири, особенно в сфере хозяйственной деятельности. По словам современного этнолога Ч.М.

Таксами, они «коллективными усилиями создали культуру оленеводов, рыболовов, охотников, морских зверобоев, скотоводов и, может быть, только она рациональна в суровых природно-климатических условиях».

Однако на рубеже XIX—XX вв. традиционная культура сибиряков стала втягиваться в полосу кризиса. Она частично разрушалась, частично заменялась, вытеснялась современными (авторскими, светскими, технократическими) формами культуры. Как и повсюду в мире, в нашем крае главными факторами процессов модернизации и частичной дезорганизации народной культуры явились развитие рыночных отношений, начальные проявления индустриализации и урбанизации общества, усиление информационных связей с окружающим миром. Свою роль сыграло также развитие образовательной сети.

Начальное образование дети сибиряков получали тогда в частных школах, училищах Ведомства православного исповедания и Министерства народного просвещения, в казачьих поселковых и станичных школах, воскресных школах. В Сибири не существовало земских училищ, очень эффективно работавших в Европейской России, так как земская реформа до 1917 г. не коснулась восточных окраин страны. Лишь немногие сельские ребята учились в официальных училищах: 7 % в 1894 г., 17 % в 1911 г. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г., в Сибири (без Дальнего

Востока и районов Казахстана) насчитывалось 12 % грамотных людей, в том числе в сельской местности 9 %, что примерно в два раза меньше, чем в Европейской России. Грамотность населения городов была значительно выше и в 1897 г. колебалась в разных губерниях и областях Сибири от 35 % (Акмолинская область) до 43 % (Иркутская

губерния), хотя тоже уступала центральным городам. В 1908 г. российское правительство

провозгласило введение в стране всеобщего начального образования в течение ближайших 10 лет, но в отсталой Сибири такой срок вряд ли был реальным. В январе 1915 г. начальным образованием в нашем крае было охвачено около 40 % детей.

*Мужская гимназия, Томск.
Из книги «Великий путь» (Красноярск, 1899)*

Среднее образование можно было получить только в городах, прежде всего губернских. В основном здесь же размещались немногочисленные профессиональные начальные учебные заведения. Например, элементарное военное образование давали в Омском кадетском корпусе и Иркутском юнкерском училище. Два десятка учительских семинарий и институтов, педагогические классы при женских гимназиях и духовных училищах, краткосрочные педагогические курсы обеспечивали учителями начальные школы. Появились сельскохозяйственные, маслодельные, фельдшерско-акушерские и иные училища.

Единственный в регионе университет открылся в Томске в 1888 г. Сначала в нем был лишь медицинский факультет, потом добавился юридический. Томск как центр интеллектуальной и культурной жизни называли Сибирскими Афинами. В 1900 г. при университете начинает работать Технологический институт, а в 1910 г. — Сибирские женские курсы. Высшее образование могли получить лишь немногие: в 1913 г. в университете обучалось только 911 студентов.

Научной работой занимались в Сибири в основном ученые из Европейской России, проводившие экспедиции на востоке страны; предпринимались также научно-практические изыскания по заказу Переселенческого управления, Министерства земледелия и государственных имуществ, Военного министерства, Министерства путей сообщения. В самом регионе научных центров было немного: томские вузы с созданными при них исследовательскими и культурно-просветительскими обществами, местные подразделения Русского Географического общества, Русского Технического общества, Московского общества сельского хозяйства, некоторые другие.

При таких малых силах наука в Сибири смогла добиться заметных успехов. Назовем лишь некоторые из них. В конце 1860-х — 1870-х гг. польские политические ссыльные (участники восстания 1863 г.) Б. И. Дыбовский, А. Л. Чекановский, И. Д. Черский провели несколько экспедиций, исследовавших геологическое строение Восточной Сибири, и получили мировое

Страховой полис Барнаульского общества взаимного страхования имущества от огня, выданный Морозову Якову Васильевичу 4 апреля 1912 г.

признание. Томский профессор П. И. Крылов заложил основы выдающейся ботанической школы, изучающей богатую флору Сибири. Известный историк и общественный деятель А. П. Щапов, высланный за антиправительственную деятельность на родину в Иркутск, занялся историко-этнологическими изысканиями и положил начало учению о самобытности антропологического и культурно-психологического склада сибиряков-старожилов.

Большое научно-прикладное значение имели труды тобольского губернского правительственного агронома Николая Лукича Скалозубова. Он стал одним из пионеров научной агрономии в Сибири, занимался улучшением местных пород скота и выведением новых сортов пшеницы, поднял вопрос о борьбе с вредителями полей, выступил организатором сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки в Кургане (1895 г.). Энергичный агроном стал настоящим энциклопедистом, прекрасным знатоком всех сторон жизни сибиряков. До сих пор не потеряли значения его публикации о сельскохозяйственном календаре крестьян, средствах и приемах народной медицины, круге чтения народа и др.

Научно-краеведческую и просветительскую работу вели возникшие в основном в 1870—1890-х гг. местные краеведческие музеи: Иркутский, открытый еще в XVIII в., Тобольский, Енисейский, Красноярский, Барнаульский, Тюменский, Читинский, Троицкосавский. Вся образованная Россия восхищалась подвигом Николая Михайловича Мартынова — провизора из глухого уездного городка Минусинска Енисейской губернии. Он сплотил вокруг себя множество людей, собрал средства, построил в 1877 г. здание и собрал богатые коллекции Минусинского краеведческого музея, придав его работе европейскую известность.

Культурную жизнь Сибири обедняли недостаток образованных людей, оторванность от главных центров культуры страны и мира, жесткая административная регламентация деятельности всех общественных организаций, в том числе научно-просветительского профиля.

Переселенческий пункт в Боготоле. Фото из книги «Великий путь», Красноярск, 1899

Формировавшаяся сибирская интеллигенция остро чувствовала неполноправное положение своего края, беспокоилась за его судьбу. На этой основе возникло региональное общественное течение, которое обычно называют областничеством, или движением «сибирских патриотов». Историки иногда определяют областничество как «систему взглядов части местной интеллигенции на прошлое, настоящее и будущее региона как специфической области в составе Российского государства, а также общественно-политическое и культурное движение, пытавшееся пропагандировать эти взгляды». Однако заметим, что вряд ли правомерно называть

это течение общественно-политическим движением. До 1917 г. областничество не пользовалось массовой поддержкой и не определяло политических позиций каких-либо социальных слоев.

Возникнув на рубеже 1850-х — 1860-х гг., сибирский регионализм прошел длительный путь до своего ухода с исторической арены в годы Гражданской войны. Основным его теоретическим достижением считается создание концепции территориальной автономии Сибири во главе с областной думой, наделенной полномочиями, которые сходны с компетенцией штата в федеральной системе США.

Основателями и идейными руководителями областничества были Г. Н. Потанин (1835–1920) и Н. М. Ядринцев (1842–1894). Оба они учились в Петербургском университете, но были высланы на родину во время студенческих волнений 1861 г., оба поклялись верно служить Сибири до конца своих дней и сдержали слово. Они добились успехов на научном и литературно-публицистическом поприще, но наибольшую известность получили как общественные деятели.

Участники заседания Западносибирского отдела Русского Географического общества в Омске. Фото 1902 г.

Размышляя о судьбах Сибири, областники пришли к выводу, что она является угнетенной, неумело управляемой из центра колонией, где политика самодержавия сводится к произволу приезжих чиновников и грабежу природных богатств, к ограничению частного

предпринимательства, свободной торговли и свободного переселения; культурная жизнь не получает полноценного развития; Сибирь превращена в край штрафной ссылки; коренные жители попали в бесправную кабалу и вымирают. И Сибирь — область, отдаленная от центра страны, с особенной природой и климатом, уникальной историей и общественной жизнью, со сложившимся этническим типом жителей, во многом не похожих на русских в Европейской России, — должна иметь возможность развиваться более свободно и самостоятельно, но в тесной связи с демократической Россией.

Областнический актив делал попытки перейти от теории и пропаганды к практическим действиям, создать собственную общесибирскую организацию, но успеха не имел. Практические «сибирские задачи», к решению которых призывали областники, сводились к уравниванию восточных окраин с Европейской Россией в экономическом и правовом отношении. Речь шла о необходимости распространения на Сибирь земской реформы 1864 г., введении гласного (открытого) судопроизводства и суда присяжных заседателей, об отмене всевозможных «особых правил», ущемляющих права местного самоуправления, и т. д.

Во взглядах областников далеко не все соответствует современным научным представлениям: Сибирь вряд ли можно было считать абсолютной колонией; сибиряки никогда не составляли особого народа, хотя отдельные группы русских старожилов были весьма самобытными в этнографическом отношении; аборигенные народы в Сибири не вымирали. В начале XX в., когда в районах интенсивного освоения реальностью стало количественное и социокультурное преобладание новоселов над старожилами, когда продвинулось вперед решение вопросов об отмене ссылки, о высшем образовании в крае, либерализации переселения и торговли, программа «сибирских патриотов» выглядела устаревшей. Заслуга областников в том, что они постарались теоретически осмыслить уже вполне определившиеся особенности экономического, правового и культурного положения Сибири в составе Российской империи. В их сочинениях и публичных выступлениях оформились контуры регионального самосознания — осознания всеми сибиряками, независимо от национальности и социального происхождения, факта существования своего регионального сообщества, единства многих его характеристик, отличия от других сообществ, понимания общих целей и задач общественного развития.

Строительство Транссибирской магистрали. Фото начала XX в.

Среди заслуг областников нужно выделить развитие под их эгидой или с их участием ряда органов периодической печати, на страницах которой вскрывались сибирские проблемы и обсуждались пути их решения. В 1875—1887 гг. в Иркутске выходила газета «Сибирь», в 1881—1888 гг. в Томске — «Сибирская газета». Дольше других просуществовала, и наибольшее влияние имела газета «Восточное обозрение», основанная Н. М. Ядринцевым в Петербурге в 1882 г., а в 1887—1906 гг. издававшаяся в Иркутске. Эти газеты ознаменовали собой целый этап в развитии регионального общественного сознания.

*Томский кафедральный собор.
Фото из книги «Великий путь»,
Красноярск, 1899*

Нетрудно увидеть, что процесс модернизации российского общества, в том числе и на ее восточных окраинах, во многом был «догоняющим», направленным на быстрое достижение тех же экономических стандартов, правового порядка, гражданского общества, как в Западной Европе и США. Это форсирование осуществлялось государством, а оно порой действовало непоследовательно, то ускоряя процесс демократизации, то пытаясь законсервировать общество и даже сделать попятные шаги. Это обостряло социальные и психологические противоречия, которые привели к революционному потрясению.

Революцию 1905—1907 гг. ускорила война с Японией, неудачно складывающаяся для России. Эта война оказала на Сибирь большее влияние, чем на центральные районы страны, поскольку наш край стал ближайшим тылом действующей армии. Здесь проводилась более жесткая мобилизация, поднялись цены на рынках, усилилась эксплуатация на предприятиях. Возвращаясь с фронта, тысячи сибиряков несли в себе озлобленность к власти и обществу. Воинские гарнизоны, расположенные в крупнейших городах региона, в значительной степени политически разложились и уже представляли для власти не защиту, а источник опасности. Ситуацией воспользовались леворадикальные политические силы, агитировавшие народ на восстание. 1905 год ознаменован в Сибири массовыми демонстрациями и забастовками в городах. В октябре Сибирь примкнула к всероссийской политической стачке, которая охватила свыше 30 населенных пунктов и парализовала Сибирскую железную дорогу. Началось массовое крестьянское движение — против податной системы, ограничений в землевладении и пользовании лесом, против чиновничьего произвола в управлении. Возникшие в Красноярске и Чите советы рабочих, солдатских, казачьих депутатов фактически оттеснили от власти законные учреждения. Как реакция на революцию прошли черносотенные погромы, наиболее кровавый из них — в Томске. Присланным войскам пришлось силой восстанавливать порядок.

Специфическим фактором, определявшим большой накал политической борьбы на востоке страны, стало пребывание здесь политических ссыльнопоселенцев. К концу 1907 г., по данным

департамента полиции, в Сибирь было сослано 74,3 тыс. противников правящего режима. Они представляли различные политические силы: социал-демократов (большевики и меньшевики), социалистов-революционеров, анархистов, национал-социалистов — польских, еврейских, белорусских, грузинских, а также беспартийных участников массового революционного движения. Среди «политических» в Сибири в разное время находились тогдашние и будущие лидеры своих партий, в том числе большевистские вожди В. И. Ленин, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинский и др. Общественная роль политической ссылки в Сибири оказалась неоднозначной. С одной стороны, ссыльные внесли позитивный вклад в развитие науки, образования и печати, способствовали кристаллизации общественно-политической жизни в отдаленной провинции, с другой — деятельность ссыльных была не всегда адекватной состоянию местного общества и провоцировала социальные катаклизмы.

В период Русско-японской войны и Первой русской революции в Сибири оформляются структуры многочисленных политических партий, действовавших в центре страны и борющихся за влияние на народ. Легальным поприщем для конкуренции ведущих политических сил с 1906 г. становится Государственная дума, в которой представители с мест ведут законотворческую деятельность. Сибирские депутаты Государственной думы принимают самое активное участие в первом опыте парламентской демократии в России. Количество депутатов от Сибири не превышало двух десятков, но они не затерялись среди остальных девятистот: активно участвовали в работе практически всех думских комиссий, в ряде из них играли ведущие роли; несколько сибирских депутатов выдвинулись как руководители партийных фракций в Думе. Ярким социал-демократическим оратором по аграрному вопросу стал А. А. Войлошников, лидером фракции трудовиков — В. И. Дзюбинский, кадетскими лидерами — Н. К. Волков, А. А. Скороходов, В. Н. Пепеляев.

*Василий Иванович Суриков (1848—1916 гг.), выдающийся русский художник, уроженец Красноярска.
Автопортрет и аquareль «Минусинская степь»*

Особо следует отметить роль Сибирской парламентской группы, объединившей большинство избранных от края депутатов, независимо от их политической ориентации. В марте 1908 г. Сибирская парламентская группа создает Общество изучения Сибири и

улучшения ее быта — самостоятельную внедумскую структуру для организации постоянной связи депутатов со своим регионом и сотрудничества в разработке законопроектов. Общество имело отделы во всех губернских центрах и некоторых уездных городах. Показательно, что в Сибирской парламентской группе преобладало политическое влияние либеральной Партии народной свободы (кадетской), которая включила в свою программу основные областнические требования — введение областной политической самостоятельности, восстановление беспошлинной торговли с иностранцами в устьях Оби и Енисея и др.

Среди сибирских депутатов выделялся молодой и энергичный профессор Томского технологического института Николай Виссарионович Некрасов (1879—1940). В 28 лет он был избран депутатом III Государственной думы от Томской губернии, в IV Думе стал заместителем председателя. Являлся членом ЦК партии кадетов, признанным лидером ее левого крыла, призывавшего к сотрудничеству с революционерами, был первым председателем Общества изучения Сибири. Позже Некрасов сыграл видную роль в революционных событиях 1917 г., являясь министром путей сообщения, министром финансов, заместителем председателя Временного правительства, генерал-губернатором Финляндии.

Развитию конституционного строя в России помешала разразившаяся летом 1914 г. Первая мировая война, резко обострившая все общественные противоречия. Поражения на фронтах и развал армии, прогрессирующий хозяйственный паралич, дискредитация легитимного института власти — монархии, подрывная деятельность революционеров привели в февралемарте 1917 г. к краху существующего политического режима и господствующей системы общественных отношений.

На восточные окраины России война подействовала не столь разрушительно, как на центральные и западные, прифронтовые, районы. Конечно, экономический и демографический потенциал Сибири был ослаблен массовой мобилизацией (на фронт ушло свыше половины трудоспособного мужского населения), реквизицией рабочего скота, вздорожанием промышленного сырья и грузоперевозок по железной дороге. Тем не менее, высокооплачиваемые заказы военных ведомств, применение труда военнопленных и мобилизация «на оборонные работы» расширили производство в ряде отраслей промышленности: например, добыча каменного угля в 1914—1917 гг. увеличилась более чем в два раза, но при этом производительность труда в отрасли упала. В связи с сокращением поставок металла с Урала некоторое развитие получила металлургия. Увеличилось число железных дорог; строящиеся ответвления от Транссиба на юг принадлежали частному капиталу.

В сельском хозяйстве за четыре года войны посевная площадь увеличилась на 20 %, а валовой сбор зерновых — на 40 %. К 1916 г. на 15—20 % выросло поголовье скота. Сибирь

превратилась в житницу страны: здесь скопились большие запасы зерновых и резервы продуктов животноводства, которые позже, в годы революции и гражданской войны, прокармливали не только сибиряков, но и значительную часть жителей Урала и центра.

В полосу революционных потрясений Сибирь вступала, составляя 7 % населения Российской империи, давая 17 % валового сбора хлебов и 2 % стоимости промышленной продукции, располагая 8 % длины железных дорог, 8 % пароходов, 6 % всех торговых заведений страны. Регион имел сравнительно развитое сельское хозяйство, средние по уровню транспорт и сферу торгового обращения, но невысокие показатели промышленного развития. Сибирь была раздроблена на несколько административных единиц — областей, губерний и генерал-губернаторств, слабо связанных друг с другом в структуре управления страной, поскольку они не имели общесибирских координирующих органов, а замыкались непосредственно на центральную имперскую власть.

Г. А. Вяткин (1885—1938) — писатель. Родился в Омске. С 1900 г. публиковался в томских, с 1905 г. — в столичных газетах и журналах. В 1912 г. удостоен литературной премии им. Н. В. Гоголя. Во время мировой войны служил на фронте. Отрицательно отнесся к Октябрьской революции. В 1918—1919 гг. работал в информационных органах белогвардейских правительств, за что в 1920 г. был арестован органами ВЧК и осужден Омским губревтрибуналом. В 1920—1938 гг. работал в омских и новосибирских газетах и журналах, являлся членом редколлегии «Сибирской советской энциклопедии». 16 декабря 1937 г. арестован органами НКВД по ложному обвинению в контрреволюционной деятельности и 8 января 1938 г. расстрелян

*Личность Подполковника
Уполномоченная
Всероссийского Союза
Городов Георгия
Андреевича Вяткина
подпись и приложением
перечни удостоверяю
30 января 1917 года.
И. г. Завидушкин
Отдел Личных Сведений
Подполковник Уполномоченный
Секретарь Отдела
Келеман*

Надпись на обороте
фотографии Г. А. Вяткина